

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Петр Лозовиук

ЭТНИЧНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ¹

На примере Германии рассматривается проблема «этнической миграции», т. е. долговременных миграций, участникам которых облегчается трансграничное перемещение на основе их этнической принадлежности. Уделено внимание возникновению немецких анклавов в Восточной Европе, процессу «возвращения» этнических немцев из-за рубежа в ФРГ и вопросу интеграции этих мигрантов в немецкое общество. Обсуждается реформа немецкой иммиграционной политики, характеризовавшейся снижением значимости этнических миграций и одновременно ростом заинтересованности в принятии иноэтнических иностранцев. Сформулирован тезис о том, что с начала тысячелетия происходит постепенное смещение политической релевантности рассматриваемого явления из области Средней Европы в формирующееся евразийское пространство.

The article on the example of Germany considers the problem of «ethnic migration», i.e. long-term migration, the participants of which carry out cross-border movements more easily because of their ethnicity. The text is focused on the establishment of German enclaves in Eastern Europe, the issue of «return» of ethnic Germans from abroad to the FRG, as well as the issue of integration of these migrants into the German society. The article also considers the reform of German immigration policy, characterized by the decrease of importance of ethnic migrations and simultaneously increasing interest in accepting foreigners of other ethnicity. At the end of the article we come to the idea that starting from the beginning of the millennium, the gradual shift of political relevance of this issue from the area of Middle Europe to the forming Eurasian Region can be observed.

Ключевые слова: этническая миграция; миграционная политика; российские немцы; модели интеграции и адаптации; Федеративная Республика Германия.

Keywords: ethnic migration; migration policy; the Russian Germans; model of integration and adaptation; Federal Republic of Germany.

Приток мигрантов² из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, которому во второй половине 2015 г. подверглись многие части ЕС, напомнил о том, насколько важную социально-политическую проблему может представлять собой массовая неконтро-

¹ Работа написана благодаря поддержке Грантового агентства Чешской Республики (GAČR) в рамках реализации проекта «Changes of everyday life: Continuity and discontinuity in the Post-Soviet cities» № GA15-03269S.

² Под термином «мигрант» далее в тексте будет пониматься исключительно переселенец из-за границы, т. е. гражданин одного государства, прибывающий в другое. К пониманию миграции в социальных науках [1, с. 1261—1269].

лируемая миграция. Возникшая ситуация осложнилась еще и тем, что отдельные страны ЕС по-разному подошли к этому «великому переселению» наших дней. В частности, методы Федеративной Республики Германия, страны, в которую направляется наибольшее количество этих беженцев, вызвали во всей остальной части ЕС сильное раздражение. ФРГ принадлежит к числу стран, которые благодаря своему эффективному государственному управлению и законодательной базе уже давно стали целью многих мигрантов. И миграция для Германии имеет немалое значение: об этом свидетельствует тот факт, что данное государство входит в число стран, рост численности населения которых вот уже много лет достигается исключительно путем положительного сальдо миграции³. Это подтверждает и иммиграционная политика Германии, вынужденной уже с давних времен искать решения как в ситуациях возникновения внешних массовых иммиграционных волн, так и в ситуациях, когда она сама становилась инициатором миграционных кампаний.

С первыми массовыми миграционными течениями Германия столкнулась по окончании Второй мировой войны. В то время речь шла о многих миллионах насильственно выселенных немцев и изгнанников из Восточной Европы и об их последующей интеграции. В 1950 г. в Западной Германии было зарегистрировано 9,4 млн человек (20 % от общей численности населения), до войны не проживавших на этой территории. Похожая ситуация была и в советской зоне оккупации Германии (будущей ГДР), которая до 1949 г. приняла в абсолютных цифрах 3,6 млн человек, или 19 % населения [2, с. 78]. В 1961 г., к началу строительства Берлинской стены, т. е. к моменту закрытия внутренних немецких границ, количество немецких беженцев и изгнанников в ФРГ в общей сложности достигло 13,34 млн человек [3, с. 19].

Следующий массовый миграционный поток представлен приливом иностранцев, изначально прибывших в ФРГ в качестве трудовых мигрантов. Работы по систематическому привлечению так называемых «гастарбайтеров» в Федеративной Республике проводились между 1955 и 1973 гг., после чего были вынужденно прекращены из-за международного экономического кризиса [4, с. 202]. К этому времени территорию ФРГ посетило около 14 млн мигрантов, из которых около 3 млн остались в принимающей стране навсегда. До 1961 г. в ФРГ насчитывалось 1 806 653 иностранца, в период с 1961 по 1971 г. их число увеличилось почти на 3,2 млн человек, а в течение следующего десятилетия (с 1971 по 1980 г.) на более чем 4,5 млн [49]. В 1980-е гг. ФРГ приняла еще более миллиона иностранцев. Таким образом, официально в стране проживало в 1990 г. 5 582 357 иностранцев [5, с. 50], а неофициально предположительно на несколько сотен тысяч больше⁴.

Именно благодаря этим группам ФРГ стала страной с наибольшим количеством мигрантов в послевоенной Европе. В 2009 г. в Германии проживало более 16 млн человек (20 % общего населения), имеющих так называемые «миграционные корни» (Migrationshintergrund)⁵, из

³ С 1970 по 1989 г. в «старых» федеративных землях общая смертность превысила общую рождаемость на 1 568 702 человека, общий рост населения при этом за тот же период составил 1 484 400 человек [2, с. 73].

⁴ По отношению к таким иностранцам применялся термин «нелегалы». Этим термином были обозначены иностранцы, которые находились на территории ФРГ без официального разрешения на жительство для иностранцев (Aufenthaltstitel) и чье присутствие было неясно для немецких властей. Определить количество нелегальных мигрантов трудно, есть только приблизительные подсчеты, регулярно сообщаемые Федеральным министерством внутренних дел в докладах в контексте проблематики нелегальных мигрантов. В первом десятилетии XXI в. число «нелегалов» в ФРГ по приблизительным оценкам составляло от 500 тыс. до 1 млн человек [6, с. 6, 16].

⁵ Жителями с «миграционными корнями» считаются лица, иммигрировавшие в ФРГ с 1950 г., иностранцы, родившиеся в Германии, а также немцы, у которых хотя бы один из родителей является иммигрантом или иностранцем по рождению. Напротив, немцы из Восточной Европы, так называемые «изгнанники», в эту категорию не попадают. Согласно информации за 2009 г., приблизительно одна треть (в абсолютном выражении 214 000) всех детей, родившихся в ФРГ, занесена в категорию «немцев с миграционными корнями» [7, с. 188].

которых только приблизительно половина обладала немецким гражданством [7, с. 188]. По данным 2009 г., из приблизительно 82 млн человек, проживавших в Германии, немецкими гражданами являлись менее 92 %, иностранцами считались 8,7 % — 7,131 млн человек [7, с. 19]. В этом отношении Федеративную Республику Германия можно считать неформальной иммиграционной страной нового типа, т. е. такой страной, в которой длительно (часто на протяжении всего поколения) находится существенное количество лиц в положении постоянно проживающих мигрантов, притом что принимающее их государство не считает себя иммиграционной территорией и не стремится к их полному интегрированию с местным (мажоритарным) населением. Одним из последствий такого положения было то, что представители немецких государственных органов практиковали избирательный подход в отношении отдельных групп мигрантов.

Особенно очевидно было существенное различие в отношении к «этническим мигрантам» и к мигрантам, получившим разрешение на пребывание в Германии на ином основании. Изложению сути этого противоречия немецкой политики и описанию процесса его постепенного преодоления в данной статье будет уделено особое внимание. Основу моих размышлений составляет отношение немецких законодательных и других государственных институций к поздним переселенцам, мигрантам, которые главным образом в конце 1980-х и первой половине 1990-х гг. легализовали пребывание в ФРГ на основе декларирования своего этнического происхождения. Они представляют собой следующую большую группу послевоенных мигрантов, нашедших в ФРГ свой новый дом⁶. Однако, как будет подробнее показано далее, реализация их переезда в Германию и их последующая интеграция в немецкое общество имеют ряд особенностей.

Под «этническими мигрантами/переселенцами» ниже будут пониматься участники миграций, для которых принимающая страна институционально и материально облегчает условия миграционного процесса исключительно на основе их этнического происхождения⁷. Этническое происхождение, о котором заявляют такие мигранты, при этом, как правило, совпадает⁸ с этническим происхождением титульной нации, находящейся в целевой стране. Этот способ массового переселения можно обозначить как *povum* XX в. и наряду с созданием национального государства в качестве модели государственного устройства напрямую связать с политическими событиями того времени и с экономическим дисбалансом, существовавшим между разными государствами.

Несмотря на то что практика предпочтения мигрантов на основании их этнического происхождения — довольно распространенное явление для многих стран, наиболее полное понимание этого феномена с точки зрения объема и высокой значимости таких миграций для общества в целом раскрывается именно в подходе, примененном в Федеративной Республике Германия. Наряду с описанием немецкого подхода в области этнического переселения в представленном тексте будет изложена и динамика преобразования немецкой иммиграционной политики конца XX в. из политики, направленной главным образом на «этнических переселенцев», в политику «открытого доступа», открывающую немецкое общество не только с этнической, но и с культурной, языковой и религиозной стороны существенно от-

⁶ Четвертой волной мигрантов послевоенного периода, направляющихся в ФРГ, можно назвать упомянутые в начале статьи миграционные потоки лиц, бежущих в настоящее время от военных конфликтов из стран Ближнего Востока, Северной Африки и некоторых регионов Балкан (прежде всего из Косово).

⁷ Именно в этом состоит центральный аспект тематизированного нами феномена «этнической миграции» — без построения подходящей внешней политической правовой базы для реализации такого типа миграционного процесса нельзя говорить об этнической миграции, несмотря на ряд случаев (массовой миграции представителей одной и той же национальности из одного государства в другое).

⁸ В отдельных случаях речь может идти и о лицах другого этнического происхождения — см. обсуждаемую ниже практику принятия восточноевропейских евреев в ФРГ.

личающимся группам населения. Данную тенденцию в отношении иностранных мигрантов наглядно иллюстрирует масштабное принятие новой волны беженцев в ФРГ с 2015 г., означающее для Германии окончательное расхождение с практикой политики «этнического переселения».

* * *

Объектом политики «этнического переселения» в ФРГ являются лица, обозначаемые в немецкоязычной литературе терминами *Aussiedler* «переселенцы» либо *Spätaussiedler* «поздние переселенцы». Речь идет о населении немецкого происхождения, которое переселилось в Германию из Восточной и Юго-Восточной Европы и из стран бывшего СССР. То, кто может считаться «этническими немцами», как будет более подробно объяснено ниже, определяется в Конституции Германии и в Федеральном законе «О беженцах и изгнанных». Этим восточноевропейским немцам и немцам из азиатской части бывшего СССР в случае их заинтересованности в переезде в Германию с самого начала облегчено миграционное передвижение, и, в отличие от других иностранцев, по приезду в ФРГ они имеют право на незамедлительное получение гражданства и ряд других преимуществ. Благодаря этому они с самого начала находятся в привилегированном положении по сравнению с другими группами мигрантов.

Немецкие переселенцы XX и XXI вв. происходили из областей бывших немецкоязычных анклавов, возникавших на протяжении веков в Восточной и Юго-Восточной Европе, а впоследствии в результате сталинских депортаций и в Средней Азии. Появление этих населенных пунктов нужно воспринимать в более широком контексте крупномасштабного миграционного процесса, который привел к заселению обширных областей Восточной и Юго-Восточной Европы западноевропейскими и среднеевропейскими жителями. В Новом времени можно выделить три фазы колонизационного процесса на Европейском континенте с запада на восток. Ранний период колонизации датируется 1500—1700 гг., средний — 1700—1815 гг. и поздний — с 1815 г. до конца XIX в. [8, с. 34—35; 9].

Самый интенсивный период этих миграций относится к XVIII и первой половине XIX в. [10, с. 35]. Наибольшее количество переселенцев, составлявших миграционные волны, представляло немецкоязычное население родом не только из Германии и Австрии, но и из Люксембурга, Эльзаса, Лотарингии, Швейцарии, а также из Чешских земель. В некоторых немецких работах к этим волнам также относят голландцев и фламандцев, фризов и даже шведов и французов, которые в языковом плане в новой среде достаточно легко ассимилировались с немцами. Этот миграционный поток вместе с более ранней немецкой колонизацией, позволившей возникнуть некоторым компактным немецким языковым областям в Юго-Восточной Европе еще в Средневековье, принадлежал к числу ярко выраженных демографических факторов, формировавших этническую карту данной части Европы до начала 1940-х гг.

Колонизация Восточной и Юго-Восточной Европы немецким населением в Новое время осуществлялась в контексте обширного континентального миграционного процесса, результаты которого привели к значительным переменам, затронувшим этническую, экономическую и жилищную структуры данных регионов. Предпосылкой для таких широких миграционных действий на просторах Южной и Восточной Европы послужила имперская экспансия развивающихся европейских держав (Австрии и России), прежде всего в направлении слабеющей Османской империи. К основным причинам этих миграционных волн принадлежали также тяжелые экономические последствия перенаселения исходных территорий. Следующим фактором, обусловившим массовое переселение западноевропейского и среднеевропейского населения на восток и юго-восток континента, была актуальная потребность в заселении этих малонаселенных областей.

Самой колонизации земледельческим населением, вдохновленной меркантильными теориями той эпохи и прямыми политическими интересами, предшествовал военный захват данных территорий. Военные потери и страх неизвестности перед захватчиками сделали эти новозаселенные области почти безлюдными. Неоднократно на местных жителей оказывалось давление и во время процесса присоединения завоеванных территорий к новому государству, что заставляло значительную часть автохтонного населения эмигрировать. Вновь прибывшие, во многих случаях привлеченные многочисленными обещаниями со стороны организатора или гаранта колонизации, должны были стабилизировать, а в определенном смысле в будущем и легитимизировать положение, достигнутое военными средствами. Миграция в юго-восточном направлении с глобальной точки зрения, таким образом, приобрела специфическую политическую окраску. Очевидно, что заинтересованность в крупной миграции населения должна была исходить непосредственно от представителей государств, особенно остро чувствовавших потребности в заселении недавно завоеванных территорий экономически развитым и политически лояльным населением. В геополитическом стиле эпохи происходили миграционные волны и в противоположном направлении.

История массового «возвращения» немцев на «родину предков» начинается уже в 1920-х гг. Первая значительная волна этнической миграции такого типа относится к 1919—1923 гг. и считается прямым следствием изменений государственной политики Центральной и Юго-Восточной Европы после окончания Первой мировой войны. В результате включения обширных областей, заселенных немецкоязычным населением, в иные государственные образования, в Германию и Австрию из Польши, Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Румынии, Франции и Италии мигрировало приблизительно 1,3—2 млн человек [11, с. 718]. В основном это были представители элиты политических, государственных и экономических кругов, в определенной степени связанных с системой прежнего государственного аппарата. Несмотря на такое огромное количество эмигрировавших, по трезвым оценкам второй половины 1930-х гг., за пределами Германии и Австрии все еще постоянно находилось около 8,5 млн человек, заявлявших о своей немецкой национальности [12, с. 402].

Второй этап массовой миграции немцев из восточной части континента в западном направлении составляли акции в той или иной степени насильственного переселения конца 1930-х гг., организованные на основе межгосударственных договоренностей. Эти миграционные действия касались прежде всего немцев родом из Прибалтики, Бессарабии, Буковины, Словении, Южного Тироля и Волыни. В первой, так называемой факультативной, фазе количество принявших участие в выборах в пользу Третьего рейха представителей немецких меньшинств составило около 450 тыс. человек. Альтернативой отъезду в Германию и получению гражданства Третьего рейха был отказ от коллективных прав меньшинства на родине. Эти мигранты являлись желанным средством «германизации» для идеологов нового видения европейского устройства. Они чаще всего были призваны заселять восточные части империи — недавно завоеванные области, где до сих пор доминировало немецкое население, которое, согласно представлениям национальных социалистов, должно было быть в будущем либо германизировано либо «устранено». В рамках этого плана, например, окрестности южночешского города Ческе-Будеевице были заселены выходцами из Южного Тироля (немецкоязычная часть Италии) с целью укрепления местного немецкого меньшинства [13; 14]. Второй фазой этих миграций можно назвать продолжавшийся с 1943 г. частично организованный, частично стихийный отток немецкого населения из Юго-Восточной Европы (Югославии, Словакии, Польши, частично Румынии и Украины) в направлении, противоположном приближающейся линии фронта. Предположительно вторая фаза охватила около 1,3 млн человек, но надо признать, что количественные данные за этот период очень недостоверны.

Третий, самый массовый этап эмиграции из Восточной Европы относится к 1945—1949 гг. В это время было стихийно выселено и организовано депортировано несколько миллионов

немцев не только из центрально- и восточноевропейских стран, но и из восточных областей довоенной Германии. По приблизительным оценкам, в данный период на длительное время свои дома пришлось покинуть от 11 до 12 млн человек [12, с. 403]. Согласно квалифицированным подсчетам по окончании Второй мировой войны в странах Восточной Европы и СССР все еще оставалось около 4 млн немцев [15, с. 448]. Из их среды в последующие годы вышли «этнические» мигранты, в массовом порядке принятые и интегрированные в ФРГ. Этот миграционный процесс можно считать четвертым и, видимо, заключительным этапом немецкого «отступления» из Восточной Европы.

* * *

Самую большую группу зарубежных немцев послевоенного периода представляли жители бывшего Советского Союза. Несмотря на внутреннюю дифференциацию, лица немецкого происхождения из стран бывшего СССР в специализированной литературе и в публицистике, как правило, носят наименование «русские немцы» (Russlanddeutsche). Необходимо понимать, что под этим обозначением скрывается во многих отношениях гетерогенное население, чьим единственным общим признаком зачастую является декларирование немецкого происхождения на основе переписи населения советского периода, поскольку «русские немцы» с точки зрения происхождения, культуры повседневного быта, языка внутреннего общения и вероисповедания никогда не образовывали монолитную группу. Объединяющее чувство русско-немецкой идентичности ощущалось лишь на рубеже XIX—XX вв. и подкреплялось жесткими условиями дискриминации в отношении меньшинства.

До 1941 г. немцы, жившие в СССР, располагали сравнительно широкой языковой и культурной автономией, однако это, конечно, не означало, что советский режим не ограничивал представителей этой части населения в их индивидуальных правах. С 1924 г. в рамках РСФСР существовала Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья. Кроме того, в небольших районах с высокой концентрацией немецкого населения возникли национальные подразделения самоуправления более низкого порядка, так называемые «немецкие районы». Семь подобных немецких районов находились в Украине, шесть и в России и по одному — в Грузии и Азербайджане. В местах расположения деревень, изолированных от большого немецкого поселения, возникли немецкие национальные сельские советы. В конце 1920-х гг. во всем СССР их было около 550. Немецкий язык во всех этих административных единицах был провозглашен местным официальным языком. Существовали немецкие школы и вузы, в том числе пять вузов в Поволжской Республике, немецкие СМИ, издательства и т. д.

Как показало дальнейшее развитие событий, речь шла на самом деле о целенаправленных мероприятиях советского режима, которые по мере надобности впоследствии либо ограничивались, либо отменялись. Уже с середины 1930-х гг. стали проявляться признаки открытой дискриминации представителей немецкого меньшинства. Кульминация такого отношения в межвоенное время выразилась в постановке всех советских немцев на учет (1934), ликвидации всех немецких районов в Украине (начало операции относится к 1935 г., основной этап — к 1939 г.) и русификации или украинизации школы для меньшинства [16, с. 126]. Насильственная коллективизация, преследование верующих и экономические проблемы — все это оказало значительное давление и вынудило десятки тысяч немцев в 1920-х и 1930-х гг. покинуть свои дома. Особого внимания в связи с этим заслуживает организованная миграция части советских меннонитов в Канаду и США в 1923—1928 гг.

После нападения Германии на СССР летом 1941 г. были уничтожены и остатки национальной автономии советских немцев. Поволжская Республика была ликвидирована, а большая часть немецкого населения депортирована в отдаленные области страны и в Среднюю Азию, подальше от наступающих нацистских формирований. Всех представителей немецкой наци-

ональности подвергли штрафам и обвинениям в сотрудничестве с Германией; по этой причине они становились жертвами дискриминации либо в коллективной форме, либо в индивидуальном порядке. Формально советских немцев реабилитировали в 1964 г. Однако запрет на возвращение поволжских немцев в родные места продолжал действовать, не представлялось возможным восстановление ни довоенной культуры, ни территориальной автономии. Отсутствие общественных структур у советских немцев отразилось на уровне их языковой компетенции, но уже не в области субъективной идентификации с первоначальной коллективной идентичностью, как можно было бы ожидать в восточноевропейских условиях. В то время как согласно статистическим данным 1926 г. 95 % советских немцев называли своим родным языком немецкий, сведения последней переписи населения СССР (1989) показали, что из всех 2 038 603 советских немцев только 49 % назвали немецкий своим родным языком [17, с. 123]. Немцы, жившие в СССР, таким образом, являли собой интересный пример отклонения от языкового к преимущественно «декларативному» понятию национализма.

* * *

Как было сказано выше, Федеративная Республика Германия на протяжении уже нескольких десятилетий вынуждена реагировать на отрицательные показатели изменения численности населения. Поэтому есть все основания полагать, что за благородной политикой в отношении «этнических» мигрантов стоят вполне прагматичные цели: Германия должна вести активную миграционную политику и будет лучше, если в страну будут приезжать так называемые «соотечественники», а не представители других культур. На справедливое замечание о том, что в случае с переселенцами речь идет лишь об иллюзии их культурной близости с немцами, живущими в сегодняшней ФРГ, можно представить контраргумент: по крайней мере, данная популяция переселенцев, в отличие от многих других иностранцев, заинтересована в том, чтобы быстро и полностью интегрироваться в немецкое общество. Легитимизацию такого выборочного подхода в отношении мигрантов, который с точки зрения других государств может казаться предпочтением наиболее простого пути, нужно видеть не только в демографической, но и в политической, социоэкономической и этнокультурной аргументации.

Политическая составляющая аргументации, оправдывающей позицию идущих навстречу этническим иммигрантам немецких властей, исходит из официальной позиции представителей Федеральной Республики, считающих ФРГ преемницей Третьего рейха. Это утверждение, в числе прочего, включает в себя признание исторической ответственности за судьбы немецких меньшинств в Восточной Европе и в советской Азии. Экспансивная политика Третьего рейха оказала глубокое влияние на судьбы миллионов немцев, находившихся в военное и послевоенное время в Восточной Европе. Их стремление переехать в Германию немецкой стороной рассматривалось как ответная реакция на неудовлетворительную политику в отношении меньшинств тех тоталитарных режимов, в условиях которых они находились. Гарантированное немецкими властями принятие этнических немцев в Восточной Европе в ФРГ, таким образом, было представлено как форма компенсации за коллективную дискриминацию, которой они были подвергнуты на своей родине, в первую очередь после Второй мировой войны. Массовая эмиграция людей, заявляющих о немецком происхождении, из Восточной и Юго-Восточной Европы далее связывается с политическими событиями, произошедшими в результате падения коммунистического режима.

На начальном этапе этого процесса желающие эмигрировать в Германию на «этнической» основе теоретически должны были отвечать хотя бы двум критериям. Необходимо было доказать, во-первых, свою «принадлежность к немецкой национальности», а во-вторых, факт преследования на родине по этой причине. Из-за того что в странах Восточной Европы несоблюдение прав меньшинств немецких сообществ являлось достаточно распространенной практикой, очень часто достаточно было лишь формально доказать свое немецкое проис-

хождение. Традиционное немецкое понимание государственной принадлежности в первую очередь базируется на принципе, обозначенном в юридической терминологии как «*ius sanguinis*». Это значит, что ее первичным критерием считается этническое происхождение. С этим заявлением также связан целый ряд последствий, оказавших практическое влияние на немецкую послевоенную иммиграционную политику. Самым важным из них можно считать то, что юридическое право на немецкое гражданство помимо бывших граждан довоенной Германии (в границах до 1937 г.) было признано и в отношении лиц немецкой национальности, имевших другое гражданство.

Традиция предоставления преимуществ «собратьям» с иностранным гражданством перед другими иностранными гражданами в Германии прослеживается со времен принятия в Германском рейхе в 1913 г. закона о гражданстве (*Reichs- und Staatsangehörigkeitsgesetz*), который определял получение немецкого гражданства либо посредством передачи от других немецких граждан (родители, опекуны), либо путем принадлежности к немецкой национальности (*Volkszugehörigkeit*). Современный способ приобретения гражданства для лиц, приезжающих в ФРГ со статусом «*Aussiedler*» (или позже «*Spätaussiedler*»), регулируется с 1953 г. Законом о беженцах и изгнанниках (*Gesetzes über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge*). В своей первоначальной версии этот закон устанавливал, кто и при каких условиях может считаться «беженцем» и «изгнанником», и определял порядок предоставления им гражданства. Представители немецких меньшинств из Восточной и Юго-Восточной Европы или из стран СССР этим законом были приравнены к изгнанникам послевоенных лет и вместе с ними отнесены к категории «уставных немцев», определенной пунктом 116 Конституции Германии (*Grundgesetz*).

* * *

Как уже отмечалось, политика «этнической миграции» официально узаконена немецким законодательством со ссылкой на то, что коллективные репрессии, которым были подвержены немцы в бывших социалистических странах после 1945 г., следует рассматривать как прямой результат нацистской политики. Поэтому политическое представительство ФРГ считало оправданным предложить своего рода «компенсацию» за несправедливость по отношению к этим людям. Предоставление восточноевропейским немцам возможности реализовать «право на жизнь в собственной этнической среде» путем переезда в ФРГ при этом казалось самым простым решением; по этой причине данное право было впоследствии гарантировано и законом. Действие законодательства, регулирующего переселение «этнических» немцев, применялось исключительно в отношении граждан восточноевропейских стран. Немецкое коренное население Западной Европы было оставлено в стороне даже в случае с бывшими имперскими гражданами (как это было, например, в 1940—1945 гг.). Результатом такого подхода стало то, что каждого выходца из Восточной Европы, заявлявшего о своем немецком происхождении, можно было рассматривать как потенциального «изгнанника» и тем самым как гражданина ФРГ.

В отличие от остальных групп иммигрантов, например рабочих мигрантов или беженцев, выходцы из восточноевропейских государств, декларировавшие свое немецкое происхождение, на законном основании считались «долгосрочными иммигрантами» (*dauerhafte Zuwanderer*). На основании этого непосредственно по приезду в ФРГ им предоставлялось право на гражданство, а с ним и целый ряд дальнейших преимуществ, позволявших облегчить их индивидуальную интеграцию в немецкое общество. Среди «этнических мигрантов», приезжающих в ФРГ, особую группу составляют иммигранты еврейского происхождения. Этим лицам предоставлялся тот же статус, что и немецким переселенцам из Восточной Европы, но на основании другого иммиграционного закона — Закона о мероприятиях для беженцев, принимаемых в рамках гуманитарной помощи (*Gesetz über Maßnahmen für im Rahmen humanitärer*

Hilfsaktionen aufgenommene Flüchtlinge), определяющего условия для принятия в ФРГ мигрантов по «гуманитарным соображениям». Подавляющее большинство таких мигрантов как раз представляют лица еврейского (этнического) происхождения (вместе с родственниками) или лица из стран бывшего СССР, исповедующие иудаизм. Критерием «еврейства» является принятое советскими властями перед 1990 г. доказательство еврейской национальности [18, с. 7]. На основе вышеуказанного закона, который по-другому еще называют «Kontingentflüchtlingengesetz» («Закон о контингентных/условных беженцах»), в Германии в период с 1991 по 2006 г. был зарегистрирован 226 651 «еврейский переселенец» [18, с. 8]. Эти «условные беженцы» (Kontingentflüchtlinge) могли иммигрировать и получить немецкое гражданство, как бы парадоксально это ни казалось, при аналогичных условиях, что и группа «Sprätaussiedler» [19]. Можно предположить, что в большинстве случаев это действительно «этнические» евреи, поскольку число членов еврейской общины в ФРГ возросло с приблизительно 30 тыс. человек в начале 1990-х гг. до более чем 100 тыс. в 2012 г. [20].

С великодушным немецким отношением к мигрантам еврейского происхождения в этом плане сопоставима только позиция Израиля. О доводах, мотивирующих немецкую сторону на такое поведение, можно только догадываться. Важную роль в этом играет чувство немецкой общеисторической ответственности за судьбу восточноевропейского еврейства.

* * *

На советской стороне возможность для массовой эмиграции открыло Постановление Совета министров СССР № 1064 «О въезде и выезде», принятое в августе 1986 г. и вступившее в силу 1 января 1987 г. [21]. Возможностью навсегда покинуть СССР, изначально предназначенной для лиц из разделенных семей, незамедлительно воспользовались тысячи других русских немцев, что проявилось в резко увеличившемся количестве советских переселенцев в ФРГ. С 1950 по 1987 г. Федеративная Республика Германия в сумме приняла 1,4 млн человек немецкого происхождения из Восточной Европы, что в среднем составляло чуть больше 37 тыс. в год. Однако с 1988 по 1997 г. речь шла уже о 2,2 млн человек, что означало 220 тыс. иммигрантов ежегодно [12, с. 407]. В то время как в 1985 г. с территории СССР выехало всего лишь 460 человек, через два года, когда начал действовать вышеупомянутый декрет о разрешении на выезд советских граждан, их число достигло более 14 тыс. В последующие годы наблюдалось резкое увеличение числа эмигрантов из стран бывшего СССР: в 1988 г. их было уже 47 572, в следующем — 98 134, далее — 147 950 в 1990 г. и 147 320 в 1991 г. Количество заявок на переселение и собственно эмиграция достигли своей кульминации в первой половине 1990-х гг. Такое развитие ситуации заставило федеральное правительство обновить предшествующую мягкую иммиграционную политику и принять ряд совершенно новых мер.

Новые правовые положения необходимо было постоянно дополнять, особенно Федеральный закон о беженцах и изгнанниках. Первые значительные нововведения стали реакцией на стремительно увеличивавшееся количество переселенцев в ФРГ в 1988 г. при массовом оттоке немцев из Польши. В качестве ответа на этот прилив переселенцев в дополнение к правительственной Программе для переселенцев в 1976 г. была разработана Специальная федеральная программа для интеграции переселенцев. Данный законопроект был нацелен на обеспечение основы для управления небывалым до того момента потоком кандидатов на юридическое признание статуса беженца. Несколько месяцев спустя, после открытия границ также для румынских и советских немцев, стало очевидно, что необходимо будет приступить и к ограничительным мерам.

В течение 1990 г., после продолжительного увеличения числа польских и румынских беженцев, немецкие законодатели начали вводить первые ограничительные меры, целью которых было регулирование массовых наплывов граждан Польши и Румынии. В рамках новой политики были изданы два закона. Первый из них, Закон о приеме переселенцев (Aussiedle-

taufnahmegesetz), вступивший в силу с 1 июля 1990 г., в числе прочего постановлял, что заявление о приеме в Германию потенциальными переселенцами должно быть подано еще в стране их происхождения. Второй закон, Закон о преодолении последствий войны (Kriegsfolgenbereinigungsgesetz), действующий с 1 января 1993 г., устанавливал максимальное годовое количество квот на прием переселенцев на отметке 220 тыс. человек. Оба закона значительно снизили возможность въезда неконтролируемого количества этнических мигрантов из стран Восточной Европы, но пока это (еще) не касалось стран бывшего СССР. Граждане других бывших социалистических государств для получения статуса этнических эмигрантов с этого времени должны были доказать, что у себя на родине они подвергаются дискриминации по этническому признаку.

В результате этих ограничительных мер с 1991 г. вышло более 90 % всех переселенцев из стран бывшего Советского Союза. С территориальной точки зрения в этой группе преобладали иммигранты из Казахстана (приблизительно 56 %) и из Российской Федерации (около 35 %). С 1996 г. прилив этнических иммигрантов и их родственников из Содружества Независимых Государств начал значительно снижаться. Этому способствовало установление новых процедур, целью которых было усложнить возможность предоставления статуса беженца кандидатам из этих государств, например, введение требования сдачи экзамена на знание немецкого языка. Вышеуказанные меры, однако, не только способствовали резкому сокращению числа людей, отвечающих требуемым критериям для постоянной эмиграции в ФРГ, но и повысили интерес к изучению немецкого языка в странах бывшего СССР. В конце 1990-х гг. только курсы, поддерживаемые федеральным правительством в странах СНГ, прошли примерно 110 тыс. человек, заявлявших о своем немецком происхождении [12, с. 440].

Помимо ужесточения условий для получения статуса переселенца нужно упомянуть и внешние причины, вызвавшие спад миграционного притока в Германию. В первую очередь необходимо отметить положительные изменения, произошедшие в странах Восточной Европы в рамках общей демократизации и либерализации общественной жизни после 1989 г. В данном случае это отразилось на коллективной реабилитации немцев, которая сопровождалась предоставлением им стандартных прав меньшинств. Свою роль сыграл и тот факт, что к середине 1990-х гг. наиболее заинтересованные в иммиграции представители немецких общин уже находились в Германии. Тем не менее о своих немецких корнях в Восточной Европе по-прежнему заявляло сравнительно большое количество людей. Некоторые данные свидетельствуют о том, что в определенных регионах число декларирующих свою принадлежность к немецкому народу или культуре даже увеличилось. Интерпретации этой интересной тенденции еще будет уделено внимание ниже.

* * *

Федеральное правительство считало интеграцию переселенцев в мажоритарное общество⁹ одним из своих приоритетов. В 1950—60-х гг. даже существовало специальное министерство для решения этих проблем. В 1988 г. в связи с увеличением числа иммигрантов с Востока была утверждена должность «федерального уполномоченного по делам переселенцев», в чьи обязанности входит координация всех мероприятий, связанных с переселенцами и немецкими меньшинствами как в ФРГ, так и за рубежом. Среди неправительственных и частных мероприятий, направленных на содействие интеграции иммигрантов, в первую очередь необходимо отметить деятельность различных религиозных организаций, гражданских инициатив и организаций землячеств (Landsmannschaften).

⁹ Библиографический обзор работ по проблемам языковой и социальной интеграции переселенцев в немецкое общество [22].

Необходимость разработки интеграционных проектов была обусловлена не только количественным измерением миграционных процессов, но и тем, что помимо социальной дистанции многих иммигрантов от других членов немецкого общества отличает культура и язык. Этот вывод, однако, противоречит главному аргументу, оправдывающему правомерность существования миграционного моста, гласящему, что главным доводом к переселению в ФРГ является стремление иммигранта «жить как немец между немцами». На миграцию переселенцев в Федеративную Республику на самом деле гораздо обоснованнее смотреть как на миграционное передвижение между разными культурами. Несмотря на это, а может быть, именно поэтому существуют значительные различия в подходе к иммигрантам, прибывающим в Германию со статусом «переселенца», и к иммигрантам, не имеющим данной привилегии. В то время как представители первой группы считаются «этнически мотивированными» и потому имеющими юридический статус, приток остальных иностранцев нередко оценивается негативно и сопровождается ограничительными мерами. Парадокс такого селективного подхода к проблеме иммиграции заключается в том, что за «своих» часто принимают и такие группы, которые объективно демонстрируют признаки этнических различий, как в случае с зарубежными немцами. С другой стороны, на многих родившихся в Германии смотрят как на иностранцев, хотя и отождествляют с культурой основного населения (включая язык), как в случае с рядом потомков бывших «гастарбайтеров». Определенные изменения в этой области принес, как еще будет показано, новый закон о получении гражданства.

Трудности, возникающие при интеграции переселенцев в общество, лежат главным образом не в правовой сфере, как у остальных мигрантов, а скорее в «ментальном характере» [23, с. 32]. «Психологические проблемы» переселенцев, часто сопоставимые с переживанием «культурного шока», вытекают из фрустрированного осознания того, что сегодняшняя Германия не отвечает их идеализированным представлениям о родине как о придуманном доме предков. Более того, многие старожилы даже считают их иноэтническими иностранцами, которые идентифицируются чаще всего по стране происхождения (например, «русские», «поляки», «румыны» и т. д.). Различная культурная среда формирования иммигрантов и основной части общества представляет, вероятно, наиболее важный источник потенциальных осложнений в новой среде. Отсюда вытекают и многочисленные проблемы в области повседневной коммуникации, носящие не только языковой, но и социокультурный характер.

Существенный фрустрирующий аспект, осложняющий интеграцию, заключается в изменении социального статуса, которое ощущается многими переселенцами. Большинство этнических немцев, которые чувствовали себя принадлежащими скорее к экономической и культурной элите своей родной страны, после переселения в Германию столкнулись с проблемой «нового начала», которое обычно сопровождается опытом нисхождения по социальной лестнице. Этот феномен наблюдается во всех областях, и особенно там, куда прибывают мигранты из регионов, имеющих более низкий технологический уровень развития.

Опираясь на опыт, связанный с массовым притоком этнических мигрантов, можно утверждать, что реакция участников миграционного процесса на вышеуказанные трудности развивается по двум основным сценариям. Первый заключается в стремлении, насколько это возможно, исключить влияние главенствующего общества. Люди внешне замыкаются, и это состояние усиливает их тягу к подобным «пострадавшим» соотечественникам. Такой подход усиливает тенденцию к приспособлению знакомой с прародины модели меньшинства к условиям новой местности, что на практике означает создание собственной альтернативной социальной структуры. С другой стороны, подобная позиция усиливает стремление основной части общества еще больше культурно изолировать такую группу. Лица, находящиеся в этом положении, на самом деле в видоизмененной форме возвращаются к предиммиграционному состоянию: чувствуют себя этнически и культурно «неблагоприятной» группой. Цель интеграционной деятельности немецких властей и частных инициатив заключается в том,

чтобы предотвратить наступление такого состояния и направить развитие ситуации по второму возможному сценарию, состоящему в укреплении немецкой идентичности у мигрантов на индивидуальном и коллективном уровнях.

Основная стратегия последующей «заботы» об участниках наблюдаемого миграционного процесса основывается на предоставлении интеграционной помощи в самых различных формах, включая широкий спектр выплат: от прямой оплаты финансовых взносов, обеспечения адекватным жильем, выплаты возрастных и социальных пенсий до финансирования языковых и профессиональных курсов переподготовки. Особое внимание уделяется плавному ходу интеграции молодежи, которую с точки зрения принимающей стороны можно рассматривать как наиболее перспективную группу среди иммигрантов.

Например, в 1997 г. федеральное правительство таким способом инвестировало в интеграцию новых сограждан 3 млрд 255 млн марок [15, с. 464]. Успехи интеграционных программ, безусловно, подтверждаются тем фактом, что в случае с переселенцами речь идет о лицах, которые сами заинтересованы в быстрой и успешной интеграции в основную часть общества. Тем не менее и в этом случае возникают проблемы как со стороны иммигрантов, имеющих естественную склонность к замыканию в своем мире, так и со стороны местного общества, склоняющегося к сегрегационным практикам.

Созданию центров с высокой плотностью переселенцев из одной миграционной области, так называемой геттоизации, предшествовало принятие Закона о назначении места жительства (*Wohnortezuweisungsgesetz*). Новая редакция данного закона от 1 марта 1996 г.¹⁰ предусматривала право мигрантов на получение социальной поддержки только при соблюдении правила о проживании в определенном властями месте. Политика распределения социального жилья иммигрантам, таким образом, имела не только социальное измерение — она должна была также предотвратить неконтролируемую миграцию переселенцев по федеральным землям и их возможную последующую концентрацию в одной области¹¹. Важную деятельность, направленную на содействие принятию переселенцев основной частью населения, представляют собой различные формы позитивного освещения, подчеркивающие всеобщую социальную пользу иммигрантов. Сюда относится организация различных лекций для молодежи, распространение информационных материалов, просветительская деятельность в средствах массовой информации и многое другое. Однако, несмотря на это, в начале 1990-х гг. социологами была зарегистрирована тенденция ухудшения восприятия основной частью населения ФРГ мигрантов, в том числе этнических, из восточноевропейских стран.

Расходы, связанные с реализацией расселения и интеграцией мигрантов, финансировались из трех источников. Наиболее значительный объем поступал из федерального бюджета, другими плательщиками являлись отдельные федеральные земли и общины. В середине 1990-х гг. на интеграционные проекты выделялось примерно 3 млрд немецких марок в год [12, с. 413]. Хотя может показаться, что речь идет о сравнительно большой сумме, в политических кругах господствует убеждение, что эта инвестиция с точки зрения долгосрочной перспективы может быть не только возвратной, но и весьма прибыльной. Среди главных аргументов, свидетельствующих в пользу верности данного предположения, наиболее часто приводятся статистические отчеты, показывающие, что в ситуации с переселенцами в подавляющем большинстве случаев речь идет о молодом и квалифицированном населении с относительно высоким уровнем рождаемости.

¹⁰ Закон действовал до конца 2009 г. [24, с. 23].

¹¹ Тем не менее можно наблюдать тенденцию «стягивания» «русских немцев» в определенные места, чаще всего в панельные районы восточно-немецких крупных городов. Этот феномен имеет скорее социальный, чем этнокультурный подтекст.

* * *

До конца 1999 г. Германия, наряду с Австрией и Швейцарией, принадлежала к странам, имеющим самую строгую иммиграционную политику в Европе. Несмотря на это, в общеевропейском масштабе в данные страны Центральной Европы направилось относительно и абсолютно наибольшее количество мигрантов. В результате этого вопрос иммиграционной политики в Германии в последние десятилетия XX в. приобрел характер сугубо политического. Тот факт, что Германия в послевоенные годы стала страной иммиграции, в первый раз нашел законодательное отражение в новом Законе об иммиграции¹², вступившем в силу в начале 2005 г. Для некоторых отдельных групп иностранцев, особенно тех, кто уже живет в Германии, была упрощена процедура получения гражданства ФРГ, и наоборот, для большинства потенциальных этнических мигрантов возможность переезда в Германию была усложнена¹³.

Дебаты по нововведениям федеральной иммиграционной политики велись в первую очередь вокруг двух главных тем. Первая включала вопрос о положении ФРГ как официальной страны иммиграции и о возможных последствиях такого статуса, при этом определяющим аргументом здесь был демографический фактор. Вторая предполагала дискуссию вокруг реформы закона о приобретении гражданства, где преобладала политическая сторона проблемы. В ходе уточнения взглядов правительства на реформы иммиграционной политики стало очевидно, что отклониться от принципа предоставления немецкого гражданства по этнической принадлежности стремятся прежде всего лидеры Социал-демократической партии Германии (SPD), партии зеленых и частично Свободной демократической партии Германии (FDP). Если сторонников SPD критиковали за неадекватное понимание конкретных проблем переселенцев¹⁴, то представителей ХДС — ХСС (Христианско-демократический союз — Христианско-социальный союз, CDU — CSU) можно критиковать за отсутствие готовности принять такие поправки в законодательство, которые бы отражали и без того существующий статус Германии как страны иммиграции.

Сдвиги в сторону либерализации немецкой иммиграционной политики можно было отметить в первой половине 1990-х гг. Однако коренные изменения произошли лишь после общенемецких парламентских выборов 1998 г. Важным требованием реформаторов была замена определения гражданства на основе этно-примордиального подхода политико-территориальным определением. В том же русле велась дискуссия о необходимости введения уточнений в понимание нации как этнически однородной группы, которое в Германии все еще можно считать общепринятым. В контексте этого дискурса немцы должны лишиться понятие «гражданин» этнического содержания, что якобы представляет первый шаг к тому, чтобы иммигранты могли стать «местными». Видимо, выбранную дорогу уже невозможно изменить и Германию ждет сложный, но, вероятно, необходимый путь, ведущий, наперекор традиции страны, в направлении от исключительно этнического к культурно-плюралистическому обществу¹⁵.

Даже если это неочевидно на первый взгляд, данная дискуссия имела важное последствие не только для существующей иммиграционной практики по отношению к восточноевропей-

¹² Полное название закона — «Gesetz zur Steuerung und Begrenzung der Zuwanderung und zur Regelung des Aufenthalts und der Integration von Unionsbürgern und Ausländern».

¹³ В первую очередь в связи с требованием доказывать знание немецкого языка еще в стране происхождения.

¹⁴ Особенно по причине безусловного признания их привилегированного статуса по сравнению с другими иммигрантами.

¹⁵ То, как сложен этот процесс, показали, например, общенациональные дебаты, вызванные бестселлером Тило Саррацина [25].

ским немцам, но и для переоценки федеральной политики по отношению к «землякам» за рубежом и, что, вероятно, наиболее важно, для переоценки щедрой программы поддержки различных земляческих объединений и организаций родившихся за границей немцев в самой Германии (Landsmannschaften). Социал-демократы, партия зеленых и представители FDP поддерживают идею сокращения иммиграционных квот, предназначенных исключительно для этнических немцев, и, наоборот, добиваются введения подобных квот для лиц других национальностей, заинтересованных во временном или постоянном переселении в Федеративную Республику. Такие взгляды находят выражение и в политических предпочтениях: 74 % переселенцев склоняются к партии коалиции CDU — CSU, в то время как Социал-демократической партии в этих кругах выказывают симпатию только 17 % [12, с. 428].

* * *

Как уже упоминалось выше, приток в ФРГ многочисленных групп этнических мигрантов следует рассматривать в контексте обширного политически и экономически обусловленного процесса перманентной миграции между восточной и западной частями континента. До 1992 г. любой житель восточноевропейских государств и государств бывшей советской Центральной Азии, декларирующий свою принадлежность к немецкому этносу, мог рассчитывать на относительно великодушный прием с немецкой стороны. Первые признаки изменения отношения к этническим мигрантам проявились в ответной реакции на волну иммиграции на рубеже 1980—90-х гг. Двукратная победа социал-демократов на федеральных выборах привела к тому, что в конце 1990-х гг. тенденция предпочтения при предоставлении гражданства иностранцам территориального принципа перед этническим значительно усилилась. Кроме того, если до 1989 г. ограничительный характер миграционная политика носила прежде всего в стране убывания, то в настоящее время, наоборот, страны целевого назначения ограничивают массовую миграцию лиц в направлении «восток — запад» или напрямую противодействуют ей. Эта всеобщая тенденция, проявившаяся в повышенных требованиях к принятию в страну назначения, затронула и этнических мигрантов в ФРГ.

Миграционный потенциал восточноевропейских стран оценивался немецкими специалистами в конце тысячелетия еще в размере от 1 до 2 млн переселенцев [12, с. 441]. В 1988 г. в Восточной Европе и в Средней Азии признания статуса переселенца и тем самым возможности легального переезда в ФРГ ожидало предположительно 520 тыс. человек. Однако с 2000 по 2013 г., согласно официальной статистике, в ФРГ переехало «всего лишь» 387 408 этнических мигрантов, из которых подавляющее большинство прибыло из стран бывшего СССР [26]. Поворотный момент в миграционном поведении этнических мигрантов настал в 2005—2006 гг. С этого времени в Германию переезжают лишь несколько тысяч этнических мигрантов в год, и поток непрерывно сокращается. Еще одно изменение в их миграционном поведении демонстрирует тот факт, что многие из тех, кому удалось достичь желаемого статуса переселенца, и даже те, кому уже предоставили гражданство ФРГ, в конце концов выбрали возможность остаться на родине или начали возвращаться из Германии. Эта категория включает пока немногочисленные группы поздних переселенцев, принявших решение в пользу отъезда из Германии и ремиграции на родину, в одну из стран СНГ¹⁶.

Несмотря на определенные трудности, проект массового трансфера в Германию лиц, заявлявших о своей немецкой национальности, и их социализации в новых условиях оказался весьма успешным. В пользу такой оценки интеграции переселенцев в юридическую и социальную систему ФРГ, помимо прочего, свидетельствует и тот факт, что со стороны мигрантов

¹⁶ С 2006 г. Российская Федерация активно практикует специальную программу по возвращению соотечественников из-за рубежа, которой удается заинтересовать и группы российских немцев. С небольшой задержкой русскому примеру последовал Казахстан (с 2008 г.) [27].

не возникла потребность создать собственную институциональную сеть. Именно в этом направлении двигалась и продолжает двигаться политика интеграции, осуществляемая немецкими властями, чьим приоритетом является предотвращение геттоизации, к которой имеют естественную склонность иммигранты, приезжающие из иной культурной среды. Уже сами количественные данные свидетельствуют о том, что способ регулирования прилива этнических мигрантов в ФРГ должен был стать здесь предметом не только заграничной, но и внутренней политики. В качестве статутарных этнических немцев Федеративной Республикой в период между 1950 и 2012 гг. всего было принято 4 509 458 человек, в том числе 2 361 485 человек — из стран бывшего СССР [24, с. 28].

Миграция лиц, относящих себя к немецкому этносу, представляла, однако, лишь частный аспект широко обсуждаемой поправки к немецкой миграционной политике как таковой. С 1990-х гг. сторонники регуляции потока иностранцев в Германию все чаще аргументировали свою позицию негативным демографическим развитием немецкого общества и необходимостью больше «открыть» страну культурному плюрализму. После того как потенциал этнических мигрантов¹⁷ за рубежом был исчерпан, основной проводимой реформы иммиграционной политики стало упрощение процедуры получения немецкого гражданства для иностранцев, проживающих в ФРГ на долговременной основе. Особое внимание при этом было уделено интеграции молодых, не достигших совершеннолетия иностранцев. Радикальный пункт реформы предполагает признание двойного гражданства и решение об автоматическом предоставлении немецкого гражданства детям иностранцев, чьи родители уже родились в Германии либо переселились в ФРГ как несовершеннолетние и обладают действующим разрешением на пребывание (но не гражданством).

Предшествовавшая принятию иммиграционного закона дискуссия показала, что в отношении долговременно живущих в ФРГ иммигрантов прагматические рассуждения начали превалировать над рассуждениями исключительно этническими. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development, OECD) на 2012 г., Германия находилась на втором месте в мире после США по количеству прибывших на долгосрочное проживание иммигрантов [31, с. 59]. Чистый миграционный прирост за 2012 г. в ФРГ составил 420 тыс. человек, еще через год это число увеличилось больше чем на полмиллиона¹⁸. И хотя демографические и экономические преимущества либерального подхода к иммиграции весьма ощутимы, очевидно, что политика мультикультурализма в широком понимании в том виде, в котором она практиковалась во многих западно-европейских странах, достигла границ своей осуществимости. Серьезным контраргументом против либерального подхода к проблеме иммигрантов остается указание, направленное на массовое переселение преимущественно неквалифицированных мигрантов из промышленно неразвитых стран, с которыми все чаще сталкивается большинство стран Европейского союза. В ситуации сегодняшней Германии, кроме того, примечательно то, что посредством статистических аргументов и культурно-плюралистической риторики подготовлена существенно углубленная интервенция в сферу восприятия немецкой коллективной идентичности, для определения которой было традиционно инструментализовано культурное и этническое отличие. Эта тенденция отчетливо слышится в риторике немецких политических элит в связи с упомянутым «кризисом беженцев» со второй половины 2015 г.

Растущую готовность немецкого общества принимать иноэтничных иностранцев, завершившуюся их вхождением в государственно-политическую структуру, сопровождает сниже-

¹⁷ Вопросу о возможном дальнейшем миграционном потенциале стран бывшего СССР для стран ЕС посвящена работа С. Шмида [28].

¹⁸ Здесь упоминаются прежде всего мигранты европейского происхождения, среди которых в избытке представлена высококвалифицированная рабочая сила [29; 30].

ние значимости этнических миграций как таковых. На востоке континента, напротив, наблюдается рост политической важности этнических миграций на основе этнического признака. Благодаря активной миграционной политике Российской Федерации, а также в результате недавнего обострения международной политической ситуации здесь наблюдается существенное увеличение численности этнических мигрантов. В связи с военным конфликтом на востоке Украины количество этнокультурных мигрантов принимает массовый характер, сопоставимый лишь с миграцией послевоенных лет (1945—1949) либо с миграциями военного периода в странах бывшей Югославии. Примечательно, что существенная часть этих беженцев намерена остаться на территории России и по окончании украинского конфликта. Становится очевидным, что Российская Федерация готова поддерживать таких людей посредством функционирующей уже на протяжении нескольких лет программы по возвращению соотечественников.

Потенциал русскоязычных мигрантов очень высок в других странах СНГ, и Россия, понимающая важность этнических мигрантов¹⁹, постоянно усиленно стремится сделать их предметом своей внешней и внутренней политики. Шаги, предпринятые русской стороной в сфере иммиграционной политики, показывают, что немецкий подход к заграничным «землякам» носит модельный характер и можно ожидать, что Российская Федерация и в дальнейшем будет применять немецкую модель в соответствии с местными специфическими условиями. В любом случае становится очевидным смещение политической релевантности «феномена этнической миграции» из областей Центральной и Восточной Европы на восток континента, или на вновь формирующееся евразийское пространство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Wörterbuch der Soziologie / Hrsg. von W. Bernsdorf. Stuttgart : Ferdinand Enke Verlag, 1969. 1317 s.
2. Herden R. E., Münz R. Bevölkerung // Handwörterbuch zur Gesellschaft Deutschlands / Hrsg. von B. Schäfers, W. Zapf. Opladen : Leske + Budrich, 1998. S. 71—85.
3. Heckmann F. Ethnische Minderheiten, Volk und Nation. Soziologie inter-ethnischer Beziehungen. Stuttgart : Ferdinand Enke Verlag, 1992. 279 s.
4. Herbert U. Geschichte der Ausländerpolitik in Deutschland. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2003. 442 s.
5. Rühl S. Grunddaten der Zuwandererbevolkerung in Deutschland. Nürnberg : Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2009. 67 s.
6. Illegal aufhältige Migranten in Deutschland. Datenlage, Rechtslage, Handlungsoptionen. Bericht des Bundesministeriums des Innern zum Prüfauftrag «Illegalität» aus der Koalitionsvereinbarung vom 11. November 2005, Kapitel VIII 1.2. Berlin : Bundesministeriums des Innern, 2007. 265 s.
7. Datenreport 2011. Ein Sozialbericht für die Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. von G. Dallinger [und and.]. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2011. Bd. 1. 449 s.
8. Kuhn W. Geschichte der deutschen Ostsiedlung in der Neuzeit. Köln ; Graz : Böhlau Verlag, 1955. 207 s.
9. Higounet Ch. Die deutsche Ostsiedlung im Mittelalter. Berlin : Siedler Verlag, 1986. 405 s.
10. Press V. Von der mittelalterlichen zur frühneuzeitlichen Ostsiedlungsbewegung — ein Rückblick // Hrsg. von K. J. Bade. Deutsche im Ausland — Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart. München : C.H. Beck Verlag, 1992. S. 29—36.
11. Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von D. Brandes, H. Sundhausen, S. Troebst. Wien : Böhlau Verlag, 2010. 801 s.
12. Münz R., Ohliger R. Privilegierte Migration — Deutsche aus Ostmittel- und Osteuropa // Historische Migrationsforschung / Hrsg. von D. Diner. Gerlingen : Bleicher, 1998. S. 401—444.

¹⁹ О том, что эта тема серьезно обсуждается и с этнологической точки зрения, свидетельствует, например, работа В. А. Тишкова [32].

13. *Lozoviuk P.* Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen. Leipzig : Leipziger Universitätsverlag, 2008. 424 s.
14. *Brandes D.* «Umvorkung, Umsiedlung, rassische Bestandsaufnahme»: NS-«Volkstumspolitik» in den böhmischen Ländern. München : Oldenbourg Verlag, 2012. 309 s.
15. *Dietz B.* Zuwanderung und Integration — Aussiedler in Deutschland // *Historische Migrationsforschung /* Hrsg. von D. Diner. Gerlingen : Bleicher, 1998. (Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte. Bd. 27). S. 445—472.
16. *Brandes D.* Die Deutschen in Rußland und der Sowjetunion // Hrsg. von K. J. Bade. Deutsche im Ausland — Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart. München : C. H. Beck Verlag, 1992. S. 85—134.
17. *Brunner G.* Nationalitätenprobleme und Minderheitenkonflikte in Osteuropa. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 1993. (Strategien und Optionen für die Zukunft Europas. Arbeitspapier 10). 143 s.
18. *Haug S.* (unter Mitarbeit von M. Wolf). Soziodemographische Merkmale, Berufsstruktur und Verwandtschaftsnetzwerke jüdischer Zuwanderer. Projekt Zuwanderer aus Russland und anderen GUS-Staaten — Jüdische Zuwanderer. Nürnberg : Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2007. (Working Papers des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge. 2007. № 8). 50 s.
19. *Haug S.* (unter Mitarbeit von P. Schimany). Jüdische Zuwanderer in Deutschland. Ein Überblick über den Stand der Forschung. Nürnberg : Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2005. (Working Papers des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge. 2005. № 3). 17 s.
20. Mitglieder der jüdischen Gemeinden in Deutschland von 2003 bis 2012 [Elektronische Resource] // Das Statistik-Portal. URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/1232/umfrage/anzahl-der-juden-in-deutschland-seit-dem-jahr-2003/> (vorstellungs datum: 19.06.2013).
21. Постановление о внесении дополнений в Положение о въезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901770754> (дата обращения: 22.08.2014).
22. *Reitemeier U.* Bibliografie zum sprachlichen und sozialen Integrationsprozess von Aussiedlern. 25. Februar 2011. 38 s.
23. Zuwanderung und Eingliederung von Deutschen und Juden aus der früheren Sowjetunion in Deutschland und Israel. Deutsch-israelisches Symposium am Hubert H. Humphrey Institute der Ben-Gurion-University of the Negev in Beer-Sheva (Israel) 13.—17. Oktober 1991 / Hrsg. von K. J. Bade, I. S. Troen. Bonn, 1993. 192 s.
24. *Worbs S., Bund E., Kohls M.* Babka von Gostomski Ch. (Spät-)Aussiedler in Deutschland: Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse. Nürnberg : Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2013. (Forschungsbericht 20). 245 s.
25. *Sarrazin T.* Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 461 s.
26. Aussiedlerstatistik seit 1950 [Elektronische Resource]. URL: <http://www.bund-der-vertriebenen.de/infopool/spaetauss1.php3> (vorstellungs datum: 26.07.2012).
27. *Гулина О. П.* Spätaussiedler или русские немцы: политическо-правовой обзор ситуации в Германии // *Современная Европа.* 2010. № 2. С. 62—75.
28. *Schmid S.* Das Migrationspotenzial aus der GUS in die Europäische Union. Nürnberg : Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2012. 270 s.
29. Das Bundesamt in Zahlen 2013. Asyl, Migration und Integration. Nürnberg : Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2014. 136 s.
30. *Astheimer Sven.* Deutschland ist zweitbeliebtestes Einwanderungsland // *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* 20. Mai 2004 [Elektronische Resource]. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wirtschaftspolitik/oecd-studie-deutschland-ist-zweitbeliebtestes-einwanderungsland-12948274.html> (vorstellungs datum: 19.05.2015).
31. Die entkrampfte Nation / *S. Böll* [und and.] // *Der Spiegel.* 2014. № 29. S. 56—63.
32. *Тишков В. А.* Этнология и политика. М. : Научная публицистика, 2001. 240 с.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.